

ЦИКЛ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

ОЛЬГА КАТУНЬ

Ольга Катунь Заревый, 15

<https://litres.ru/74125369>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Заревый, 15» — это цикл юмористических рассказов о буднях операторов экстренной связи из типового офиса в московском Медведково. Гибрид производственной прозы, социальной сатиры и чёрного юмора. Герои — люди, которые видят город через десятки камер, но не видят своей жизни за пределами смены. В центре — конфликт между живой человеческой теплотой и бездушной бюрократией в лице проверяющего Суходолова. Каждый рассказ — отдельный вызов, происшествие или абсурдный случай, но все они складываются в портрет целой эпохи: 2007–2012, глазами наблюдателя, который всегда отвечает: «Заревый, 15, слушаю».

Ольга Катунь

Заревый, 15

Глава 1

Москва начинается не с Кремля. Она начинается с окраин, с дворов, где качели скрипят громче, чем машины на МКАДе, где бабушки на лавочках зорче любой камеры видеонаблюдения, а жизнь течёт медленнее, чем в пробке на Третьем кольце.

В пять утра на улице не было ни души. Только дворник с метлой. А у мониторов мы — люди, которые видят всё, но никто не видит их. Я смотрела в монитор на этого дворника и думала: «Интересно, а он вообще в курсе, что мы на него смотрим?».

К восьми утра район окончательно проснулся, и мониторы заполнились привычной суетой. Моя смена заканчивалась как обычно — с кофе, который остыл быстрее, чем я его заварила. Мониторы показывали единственный пейзаж: серое небо, серый асфальт, серые панельные дома Медведкова. По улицам текли пешеходы и машины. Где-то на остановке женщина ждала автобус, где-то у ларька стоял мужик и пытался вспомнить, зачем он вышел из дома. Всё было как обычно.

В офисе на Заревом у нас было пять постов, по два оператора на каждом. На постах по десять мониторов видеонаблюдения и отдельный пост экстренной связи с микрофоном. Ещё была комната отдыха с телевизором, диваном и мягкими креслами. Мы называли её «светёлка». Была комната для приёма пищи с крохотным столом на 3 человека, где мы обедали по очереди. В левом крыле была серверная, кабинет специалиста по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, душевая, а за стеной — ЖЭК. В конце коридора была курилка, где вечно пропадала мужская половина смены.

После бессонной ночи кто-то клевал носом над клавиатурой, кто-то тупо листал журнал, а кто-то включил старенькое радио и тихонечко слушал утренние новости. Только мы с Ксюшей Мамаевой перебрасывались редкими фразами, остальные молчали, уткнувшись в свои дела. Обычное утро после ночной смены в центре мониторинга.

— Скука смертная, — вздохнула моя напарница. Она сидела за соседним столом и вязала носок, прикрывая его раскрытым журналом учёта вызовов. — Хоть бы кто позвонил, что ли.

— Не каркай, — улыбнулась я, делая глоток остывшего кофе и закусывая чёрствым сухариком. — Утро на дворе, кто в такое время звонит?

Сухарик был твёрдым, но я уже привыкла — за неимением лучшего перекуса он шёл отлично. Я откусила ещё кусочек и положила остаток на салфетку.

Телефоны теперь были у всех, но наши неравнодушные сограждане всё равно настойчиво звонили в эти оранжевые ящики с огромными буквами SOS. Их ещё в начале нулевых повешали по всей Москве — городская программа безопасности, чтобы любой мог нажать кнопку и вызвать помощь. Мы как раз и были тем самым локальным центром мониторинга и экстренной связи по району Медведково, куда эти самые звонки стекались. По будням в оранжевые ящики звонили редко. Основной трафик шёл по ночам и в выходные: пьяные, потерявшие ключи, бабушки с аллергией на голубей, подростки, проверяющие, работает ли ящик, и те, кому просто не с кем поговорить. Днём район жил своей спокойной, скучной жизнью, а мы были просто наблюдателями. За 800 рублей в смену.

Для меня, студентки юрфака, подрабатывающей здесь по ночам и в выходные, это были неплохие деньги. Не то чтобы я жила на них, но на проезд и обеды хватало. А главное — я видела то, чего не видел никто из моих однокурсников. Пока они заучивали теорию государства и права, я наблюдала за практикой в прямом эфире. Пока они мечтали стать адвокатами, я уже знала: самые запутанные дела начинаются с фразы «Заревый, 15, слушаю».

Ксюша довязала четвёртый ряд и уже собралась что-то сказать, как вдруг в коридоре раздался топот. Быстрые шаги, переходящие в бег. Я даже не успела повернуть голову, как в проёме показался Никита — наш техник из серверной, у ко-

тогого лицо было белее, чем листы в журнале регистрации.

— Он идёт! — выпалил он. — Сухарь! Я видел в камеру наружного наблюдения — он из машины вышел!

Вот так и живёшь: спишь, пьёшь кофе, смотришь в мониторы, и вдруг в твою жизнь входит Пётр Павлович Суходолов. Есть люди, которые приходят в этот мир, чтобы делать его лучше, а есть он. Он приходил в наш офис на Заревом, 15, чтобы делать мир суше, чище и безрадостнее.

Пока по коридору разносилась весть о его приближении, женщины постарше торопливо доставали пудреницы и пытались стереть с заспанных лиц следы ночной смены. Мужчины тупо чесали затылки. А мы с Ксюшей замерли за мониторами, сложив руки, как первоклассницы перед строгим учителем.

Ксюша заметно побледнела. Вязание исчезло под её столом с такой скоростью, что я не успела заметить, куда она его дела. Журнал учёта вызовов захлопнулся и открылся ровно на той странице, где полагалось. По другим постам пробежал нервный шорох. Все операторы притихли и впились глазами в мониторы с такой ложной сосредоточенностью, будто именно сейчас решалась судьба района.

Я машинально смахнула рукавом со стола все крошки. В следующую секунду я уже пожалела о содеянном, потому что на пол посыпалась такая россыпь, которую не заметил бы только слепой. Я попыталась сунуть кружку под стол, но она предательски звякнула о ножку, и я спрятала её за монито-

ром. Оглядев пост, я с ужасом поняла: на столе остался надкусанный сухарик. Времени прятать его не было. Я схватила его со стола и запихнула в рот.

В то же мгновение дверь без стука распахнулась. Он зашёл не как человек, а как инспекция. Я впервые видела его так близко, хотя слышала о нём уже месяц. Его остроносый силуэт вырезался на фоне длинного коридора, как циркуль для вычерчивания чужих проступков. Нос — такой, которым можно было измерить глубину и тяжесть любого преступления. Он не здоровался — он внюхивался в воздух, сканируя пространство. За спиной у него всегда была папка, которая, казалось, росла прямо из позвоночника. В народе его называли Сухарь. Потому что он был сухой, как ломоть чёрствого хлеба. Причём во всех смыслах. Костюм на нём сидел так, будто был сшит из инструкции по технике безопасности. И этот взгляд — рентгеновский, проходил сквозь столы, мониторы и наши бедные души, выискивая самые смертные грехи.

Он даже не поздоровался. Просто остановился посреди пятого поста, окинул нас взглядом и сухо спросил:

— Кто старший по смене?

Ксюша побледнела. Её ранимая душа ушла в пятки — она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова. Я поняла: надо спасти ситуацию, пока она не рухнула окончательно. Чувствуя, как сухарь царапает нёбо, я скованно подняла руку, как в школе:

— Я.

Он посмотрел на меня поверх очков и уточнил с такой интонацией, будто мы находились не в центре мониторинга, а в камере предварительного заключения:

— Фамилия?

— Тихомирова, — вымолвила я. Получилось что-то вроде «Тихомивва» — звук утонул в сухаре, размокшем на языке.

И тут я испуганно засомневалась — моя ли это вообще фамилия? Вдруг я всё перепутала, назвала чужую, и сейчас в документах буду значиться никак иначе, как какая-нибудь Пахомова или Тихонова. А настоящую фамилию вообще вспомню только через год.

Суходолов нахмурился.

— Что? Тараканова? — переспросил он с ледяным прищуром.

Воспользовавшись заминкой, я успела проглотить остатки сухарика и повторить фамилию чётко:

— Тихомирова.

Он записал. Медленно, аккуратно, как записывают в протокол.

— Суходолов Пётр Павлович, — представился он, хотя все и так знали. — Плановая проверка соблюдения регламента. Все журналы учёта и график дежурств на стол, личные шкафы открыть.

К слову сказать, когда приходил Суходолов, на постах наступал настоящий комендантский час — никто не смел вы-

сунуть носа со своего места, все сидели тихо, как в камере перед проверкой. Казалось, ещё немного — и операторы вращаются в кресла, став неотъемлемой частью своего поста в точности как пираты Карибского моря. Добро пожаловать на Заревый, 15. Часть команды — часть корабля.

Ксюша дрожащими руками протянула журнал учёта вызовов проверяющему. Суходолов взял его с осторожностью сапёра, но прежде, чем раскрыть, поднял на неё глаза:

— Фамилия?

— Мамаева, — еле слышно ответила она.

Суходолов записал фамилию следующего «подозреваемого». Потом медленно пролистал журнал учёта вызовов от корки до корки, наклонился, и, выпучив глаза, уставился на последнюю страницу.

— Что здесь написано? — спросил он голосом, похожим на скрип несмазанной двери, ткнув острым пальцем в неразборчивый почерк Ксюши.

Я заглянула через плечо. В графе «Время поступления вызова» стояла трудночитаемая запись: «Время завтрака». Это Ксюша от скуки записала, когда мы пили кофе. Сейчас это было не смешно.

— Это... это пометка для внутреннего учёта, — выдавила она.

Суходолов поднял на неё свои ледяные глаза. Секунду он молчал, а потом медленно, с чувством собственного достоинства, произнёс как мантру:

— Время завтрака не регламентировано правилами внутреннего распорядка. Вы знаете, Мамаева, что самовольное внесение записей в официальный журнал квалифицируется как нарушение ведения первичной документации? — Он достал из папки шариковую ручку и сделал пометку на полях. — Придётся составить акт.

Ксюша выглядела так, будто её приговорили к расстрелу. Я решила вмешаться:

— Пётр Павлович, может быть, это просто описка? Мы можем исправить...

— Исправить? — Суходолов повернулся ко мне. — Тихомирова, вы что, считаете, что регламент можно исправить? Регламент не исправляют. Регламент соблюдают.

Потом он уронил взгляд на мой стол, потом на крошки под ним на полу и я пожалела, что вмешалась. Суходолов бросил журнал и с нескрываемым удовольствием ринулся к моему столу. Когда он подвинул клавиатуру и из-под неё предательски выкатился небольшой кусочек сухаря. Кружка с кофе предательски выглядывала из-за монитора. Он поднял кусок сухарика двумя пальцами, с брезгливым любопытством повертел и положил в отдельный файл между бумагами.

— Я, кажется, начинаю понимать, — сказал он, водя пальцем по комнате. — Крошки на полу, кружка с кофе на столе, ваша дикция, Тихомирова, которая дала сбой, когда я спросил фамилию. И это, — он похлопал по папке, — вещественное доказательство. Вы употребляли пищу на рабочем ме-

сте. Всё сходится. Это нарушение санитарных норм. А эти крошки, они же могут забить систему охлаждения мониторов, — добавил он, глядя на меня с торжеством. — Это угроза технической безопасности, и Никита вам как специалист по оборудованию должен подтвердить.

Никита, стоящий в дверях, испуганно закивал, хотя было видно, что он вообще не понял, о чём речь. Но уточнять не рискнул — не хотел становиться следующей жертвой.

Суходолов достал блокнот и что-то записал, посмотрев на нас с таким довольным видом, будто раскрыл заговор века или нашёл новую улику, перевернувшую ход всего расследования.

Я смотрела на это и понимала, что моя карьера оператора экстренной связи только что достигла своего апогея. Но я ошибалась. Теперь мой сухарь, вернее то, что от него осталось, лежало в папке Суходолова — сухарь в папке Сухаря. «Поэтично, чёрт возьми!» — подумала я.

— Продолжим проверку, — сказал Суходолов и направился прямо к личным шкафчикам операторов.

Он поочерёдно открывал дверцы так, будто вскрывал сейфы с государственной тайной. Проверял, нет ли посторонних вещей, которых не должно было быть на рабочем месте, не пыльно ли на полках, на столах, и если находил пылинку, записывал это как «нарушение технической чистоты информационных каналов». Казалось, ему не хватало только белых перчаток, как у Лены Летучей, чтобы с видом знатока

провести пальцем по монитору и продемонстрировать нам результат.

Сначала он открыл шкафчик Ксюши. На верхней полке лежала аккуратно сложенная кружевная салфетка — белая, ажурная, которую она старательно начала вязать ещё в начале смены. Он вытащил салфетку двумя пальцами, как клещами, и поднёс к лицу. Повертел. Посмотрел на просвет. Понюхал.

Я переглянулась с Ксюшей. Она побледнела так, будто он только что изъял у неё что-то запрещённое.

— Это что? — спросил Суходолов голосом, который не предвещал ничего хорошего.

— Это... салфетка, — выдавила Ксюша. — Кружевная.

— Кружевная, — повторил он с расстановкой, медленно, пробуя слово на вкус. — А вы знаете, Мамаева, что кружевные салфетки создают ложное чувство уюта? Оператор не должен расслабляться. Он должен быть собран. И эта салфетка — вещественное доказательство вашей несерьёзности, Мамаева. Вы на работе, а не дома. Это центр мониторинга — здесь решаются вопросы жизни и смерти целого района.

Ксюша смиренно кивала.

Он развернул салфетку, осмотрел каждый завиток, провёл пальцем по краю, проверяя, нет ли там тайника.

— Нерегламентированная деятельность, — наконец квалифицировал он Ксюшин проступок, и сделал новую запись

в блокноте. — Салфетку изымаю до окончания проверки.

Он положил её в папку, рядом с сухарём, с такой осторожностью, будто это был пакет с неизвестным веществом, и закрыл папку на молнию.

— Имейте в виду, Мамаева, — добавил он, глядя на неё поверх очков, — в следующий раз я не ограничусь изъятием. Будут составлены соответствующие документы.

Меня уже слегка подташнивало от такой душности, но я держалась изо всех сил.

Ксюша кивнула, не найдя уважительного оправдания. Я видела, что она уже мысленно прощается с салфеткой навсегда.

Потом он повернулся к Никите. Тот стоял навтыяжку, как солдат перед генералом. Суходолов подошёл к нему почти вплотную. Никита побагровел до кончиков ушей — казалось, ещё секунда, и он задымится, как перегретый сервер. Суходолов посмотрел на Никиту сверху вниз, и его взгляд остановился на нагрудном кармане рубашки. В кармане торчала шариковая ручка. Обычная, синяя, с колпачком. Вот только из-под колпачка вытекала тёмно-синяя клякса, которая уже пропитала ткань и расползлась по карману, как синяк. Суходолов брезгливо поморщился и извлёк липкую ручку из кармана. Потом посмотрел на пятно на рубашке Никиты и снова на ручку. В комнате повисла такая тишина, что я слышала, как на мониторах моргают курсоры.

Наконец Суходолов провозгласил:

— Шариковая ручка. Протекает. Вы носите это на видном месте, Никита. Пятно — это визуальный шум. Оно отвлекает внимание сослуживцев. Они смотрят на вашу рубашку, а не на мониторы. Центр мониторинга не может работать с сотрудником, который создаёт визуальный беспорядок.

Он сделал паузу. Я смотрела на Никиту и думала: «Бедный Никита. И ему досталось. Он хоть и был шалопаем, но без него наши системы давно бы рухнули. Он хотя бы вносил порядок в этот цифровой хаос: сервер не падал, мониторы не гасли. Если бы не он, Суходолову вообще не на что было бы смотреть». Но ручку — ручку он всё-таки тоже изъяс.

— Изъять, — сказал Суходолов и, завернув ручку в лист бумаги, положил в папку поверх сухаря и салфетки.

— А вам, Никита, советую впредь использовать ручки с защитой от протекания. Я запишу вам марку.

Он достал блокнот, записал что-то, вырвал листок и передал его Никите. Никита, который за секунду до этого стоял с видом приговорённого, вдруг выдохнул и даже чуть расправил плечи.

Потом Суходолов подошёл к моему шкафчику. Я закрыла глаза, он открыл дверцу. На внутренней стороне дверцы, приклеенный на скотч, висел настенный календарь с котиками, который я как-то принесла из дома. Он посмотрел на него с таким лицом, будто я хранила там порнографию.

— Несанкционированная визуальная агитация, убрать, — сказал он и записал. Календарь он не изъяс, но я уже знала

— теперь он у него на карандаше.

Другие операторы успели замести следы, пока проверяющий разбирался с документами, нашими шкафчиками, соотносил журнал учёта вызовов с графиком дежурств и выдумывал новые, более тяжкие проступки.

Но Суходолов решил, что мы выдали не все улики. Он развернулся и направился в сторону серверной. Мы с Ксюшей выдохнули. Никита снова побелел и побрёл вслед за проверяющим.

Суходолов открыл дверь серверной и замер. Я видела это через открытую дверь: серверная представляла собой царство хаоса. Провода висели пучками, на полу валялись пустые коробки из-под комплектующих, на столе — горы бумаг, пустые стаканчики из-под кофе, клавиатура была заляпана, а на системном блоке лежал слой пыли толщиной с палец.

— Никита, — медленно, с ледяным спокойствием произнёс Суходолов, не оборачиваясь. — Это что?

Никита подошёл, заглянул через плечо проверяющего и выдавил:

— Это... ну, это временный беспорядок, я как раз собирался...

— Временный? — Суходолов не дал договорить и повернулся к нему с таким видом, будто перед ним был не техник, а диверсант. — Пыль на оборудовании, Никита. Провода не убраны. Системный блок — в антисанитарном состоянии.

Вы понимаете, что это угроза безопасности всего центра мониторинга? Я вынужден зафиксировать нарушение технической чистоты информационных каналов.

Он достал блокнот, записал и добавил:

— И это не просто пыль. Это хроническая пыль, Никита. Я знаю, когда пыль свежая, а когда она лежит годами. У вас здесь столетняя пыль. Приберитесь!

Никита стоял как провинившийся школьник и послушно кивал.

Суходолов ещё раз обвёл взглядом серверную, покачал головой и вышел, не закрыв за собой дверь.

Через минут 40 всеобщего позора проверка закончилась. Суходолов встал посреди поста, обвёл нас взглядом и торжественно произнёс:

— Итак, резюмирую. Нарушение санитарных норм — употребление пищи на рабочем месте. Нарушение регламента — ведение посторонней деятельности и некорректные записи в журнале учёта вызовов. Нарушение технической чистоты — пыль на оборудовании, в том числе в серверной. Несанкционированная визуальная агитация. И всё это за одну смену, Тихомирова. Я фиксирую вам устное замечание как старшему по смене. В следующий раз будет официальный выговор. Я буду докладывать руководству.

Он хлопнул папкой, как приговором, и направился к выходу.

Мы уже мысленно смирились со всеми своими проступ-

ками и почти выдохнули, но Суходолов, видимо, посчитал, что мы слишком легко отделались. Его шаги вдруг остановились. Он обернулся. И его взгляд упал на тумбочку у стены. Там стояла фиалка — обычная, в горшке, подаренная участковым за помощь в ориентировке. Мы её поливали, она цвела, и никто никогда не считал её проблемой.

— А это что за ботанический сад? — спросил Суходолов, указывая на неё пальцем.

— Фиалка, — уже равнодушно ответила я. — Цветок.

— Фиалка, — сказал он с таким видом, будто там рос куст конопли. — В зоне дежурства? На тумбочке? Это не оранжерея, Тихомирова. Это центр мониторинга. Цветы — это источник влажности. Влага — это конденсат. Конденсат — это замыкание. Замыкание — это отключение всего района. Вы хотите, чтобы ваша фиалка положила всё Медведково?

Я уже хотела сказать, что фиалка стоит здесь уже полгода и ничего не замкнуло, но Суходолов уже достал блокнот и вывел очередную запись.

Никита незаметно покрутил пальцем у виска. Мы с Ксюшей криво улыбнулись.

— Вы вообще понимаете масштаб катастрофы? Весь район может остаться без экстренной связи. А всё из-за вашей тяги к прекрасному. Немедленно прекратить культивирование, — отчеканил Суходолов и исчез за дверью с чувством выполненного долга.

Наступила долгожданная тишина. Мы побрели на пост с

чувством, что только что избежали трибунала. Ксюша выдохнула так, как будто она весь день держала воздух в лёгких.

— Господи, — сказала она. — Я думала, он прийдёт меня этим журналом.

Никита выглянул в коридор, убедился, что никого нет, и прошептал:

— Ушёл. Я его по камерам отследил до самой машины. Всё чисто.

— Не поминай всуе, — перебила я. — А то материализуется.

Все нервно засмеялись. Ксюша достала своё вязание, я налила новый кофе, а Никита ушёл в серверную — проверить, не залил ли Суходолов своей бюрократической слюной его оборудование.

Я опустилась в кресло и повернулась к мониторам. Вдруг в наушниках раздался щелчок — вызов из оранжевого ящика на остановке по улице Грекова. Я нажала кнопку приёма, сделала глубокий вдох и сказала:

— Заревый, 15, слушаю.

В трубке зашуршало, потом раздался старушечий дребезжащий голос:

— Сынок, там на лавочке голубей кто-то хлебом кормит. У меня аллергия. Вызовите милицию, пусть прогонят.

Я посмотрела на нужный монитор и увеличила картинку. Бабушка сидела на лавочке, перед ней ходил голубь, без-

обидно клюющий крошки. Вздохнула.

— Я не сынок, бабуль, — сказала я спокойно, — но наряд вышлю. Ждите.

Бабушка обрадовалась и завершила вызов. Я сняла наушники и повернулась к Ксюше:

— Ну и денёк! Сухарь замечание вlepил, голуби терроризируют. А я, оказывается, ещё и бабушкин «сынок». Заревый, мать его, пятнадцать.

Ксюша прыснула от смеха, а я подумала: «Вот так и живёшь — спасаешь Медведково от голубей, фиалки от сухарей, а тебе замечание вместо благодарности. Хорошо хоть 800 рублей платят. Сочту за возмещение морального ущерба».

Я посмотрела на монитор, где голубь всё ещё размеренно ходил перед бабушкой, и думала: «А ведь это только начало». Суходолов ушёл, но его папка теперь жила своей жизнью — в ней лежали сухарь, салфетка и ручка. Я не знала тогда, что всё это лишь цветочки. И что самое странное ещё впереди.

Когда я сделала отметку в журнале о сдаче смены и уже почти вышла из коридора, то услышала растерянный голос Никиты из серверной:

— Оль, там на камере что-то странное. Подойди.

И я подошла. Интересно, что там было на этот раз.